

A person wearing a dark, hooded robe stands with their back to the camera, looking out of a large window. The scene is set at sunset or sunrise, with a bright sun low on the horizon, partially obscured by dark evergreen trees. The interior is dimly lit, with the person's silhouette clearly visible against the bright light from the window. The overall mood is contemplative and serene.

ПРОБУЖДЕНИЕ

Виталий Зелинский

Виталий Зелинский

Пробуждение

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70528882

SelfPub; 2024

Аннотация

Взрослый, здоровый мужчина, проживая день за днем в иллюзии контроля над всеми своими ситуациями, может проснуться без руки... или без ноги. При этом он даже может не помнить, что стало причиной такой потери.

Виталий Зелинский

Пробуждение

В русском языке есть пословица: «От тюрьмы и от сумы не зарекайся», мудрые и банальные слова, которые, почему-то, всегда меня раздражали. Ну какая тюрьма может грозить человеку с головой и какими-никакими моральными принципами. Но жизнь так разнообразна и переменчива, что зарекайся действительно нельзя, ни от чего.

Взрослый, здоровый мужчина, проживая день за днем в иллюзии контроля над всеми своими ситуациями, может проснуться без руки... или без ноги. При этом он даже может не помнить, что стало причиной такой потери.

Примерно такое событие произошло со мной. Сам момент в памяти не сохранился, будто вырезан с запасом. За несколько часов до происшествия и на несколько дней после пропал кусочек времени из моей жизни. И сама жизнь изменилась. Я испытал много новых ощущений, сделал какие-то выводы.

Но если мой организм решил этого не помнить, значит это было что-то действительно ужасное, и он таким образом оберегает мои чувства.

Первое, что я помню после вырезанного фрагмента, это сон и многократные пробуждения. У меня богатая фантазия,

и сны у меня бывали иногда очень странные, с фальшивыми пробуждениями и засыпанием в самом сне. Но в этот раз всё было гораздо более странным, чем обычно.

Я проснулся во тьме, прикованный к кровати, с трубками, которые глубоко уходили мне в ноздри и в другие отверстия. Было неприятно, больно и темно. Вокруг слышались стоны, хрипы, странное рычание и внезапные крики, которые быстро затихали. Так продолжалось какое-то время, видимо, проходил целый день. Затем я засыпал и погружался в мир своих обычных снов. Выходил за пределы своего тела, летал по окрестностям, изучал обстановку. Обстановка была незнакомой. Моё тело находилось в длинной комнате, где стояли кровати, разделенные перегородками. На них лежали пациенты, заключенные или подопытные. Временами по комнате проходили люди в белых халатах. Они следили, чтобы никто не отвязался, не убежал. Проследив за одним из них, я оказался в помещении, где двое сотрудников в белом обсуждали рентгеновские снимки.

– Зубы уцелели, – сказал один из них, разглядывая череп на снимке. – Всё переломал, а зубы целы.

Я пригляделся к картинке и узнал свои зубы по имплантам, которые мне недавно поставили.

– Он сварщик? – спросил другой.

– Нет, это был противопожарный баллон.

– Он пожарник? – спросил тот же голос.

– Нет, он айтишник.

– Что айтишник мог делать с баллоном? – продолжал любознательный собеседник.

– Да просто рядом оказался. Делов то.

Я слушал их диалог. Понимал, что говорят о моём теле, с которым случилось что-то страшное. Но воспринимал это с легкостью, как часто бывает во сне, и просто выбросил это из головы.

Иногда я вылетал за пределы дома. Вокруг был густой лес до самого горизонта. Улететь далеко не получалось. В этом сером, похожем на тюрьму здании, лежало моё тело, и я не мог его бросить. Когда, во время очередного пробуждения, я попытался вытащить трубку из носа, меня тут же остановил строгий женский голос. Этот же голос убеждал меня есть, запихивая в рот ложку с чем-то непонятным. Рядом кто-то хрипел и вроде даже хрюкал, как будто человек превращался в свинью после того, как его обкормили непонятно чем.

Есть не хотелось совершенно, и я сопротивлялся как мог. Состояние во время пробуждений было отвратительным: ничего не видно, и невозможно встать с кровати. Со временем я пришел к выводу, что пробуждения это тоже часть сна. Только сон был непостижимо длинным. Я размышлял, может ли он длиться несколько дней. И дошел в своих размышлениях до того, что сон может длиться всю оставшуюся жизнь.

Но проваливаясь в привычную и более интересную часть сновидений, я переставал думать о всякой ерунде и сосредото-

тачивался на побеге.

С наступлением ночи, надсмотрщики в белых халатах появлялись реже. Я рассчитывал время, которое мне понадобится чтобы выбраться из этого кошмарного места. Делать это придется босиком, голышом, и при этом тащить за собой кровать, к которой я был прикован.

Иногда по ночам странное существо подходило снаружи к окну и начинало стучать по деревянной раме. Стук был долгим и размеренным. Стекла позвякивали после каждого удара. Затем прибежал один из людей в белом, криком прогонял постороннего, и стук прекращался.

У меня появилась идея, открыть окно этому ночному посетителю. Он был в черном балахоне без рук и в белой маске, какие носят актеры в японском театре Кабуки. Это странное существо из леса, до этого всегда нервировало надсмотрщиков. Если впустить его внутрь, это вызовет панику, и я мог попытаться сбежать.

Ночью, когда всё стихло, я подлетел к окну и открыл его. Прохладный ночной воздух наполнил комнату. Существо из леса в своем черном как ночь балахоне медленно повернулось и посмотрело на меня. На его безэмоциональной маске, как будто промелькнула искорка любопытства и недоверия.

– Войди. – прошептал я, чувствуя себя как режиссер в своем собственном кошмарном спектакле.

Существо не колебалось...

Дальше всё было довольно сумбурно, события наслаива-

лись друг на друга. Я просыпался всё чаще. Оказывался то в своем теле, то снаружи.

В целом это был настоящий кошмар. К тому-же невероятно длинный. Когда я уже потерял надежду на то, что он когда-нибудь закончится, меня разбудили. На этот раз, похоже, я проснулся окончательно и по-настоящему. Я смог открыть глаза, увидел залитую солнцем комнату и двух санитарок. Они покатали меня на кровати из комнаты и по коридору. Мимо мелькали окна. В них я увидел знакомые здания.

– Мы в Темиртау? – спросил я удивленно.

– Конечно. – Ответила одна из них и добавила. – Перевозим в обычную палату. Теперь к вам могут приходиться посетители.

– Значит можно уже не готовиться к побегу. – сказал я растерянно.

Санитарки синхронно взглянули на меня, но промолчали.

Этот длинный кошмарный сон разделил мою жизнь на две части. В той реальности я был здоров и полон энергии. Поднимался по лестницам бегом, перепрыгивая через две ступеньки. Конечно, если никто не видел. Все-таки мне уже сорок пять.

В новой жизни я будто стал в два раза старше и внезапно постарел. Стал ходить медленно и согнувшись. Делать паузы перед тем, как изменить направление движения.

Но сначала, просто лежал и разделял виды боли на кате-

гории. Каждый вид боли жил как отдельное существо и имел свой характер. Маленькая, но назойливая боль, заменялась большой и тупой болью, которая словно тяжелый туман заполняла меня. А потом прибегала резкая, как бросок бойцовской собаки и очень злобная боль, которая рвала мою плоть на части. Она также внезапно уходила, но недалеко. И нужно было вести себя очень аккуратно, чтобы не потревожить её.

Лежание длилось несколько месяцев. Потом я учился вставать и смотреть на мир с высоты своего роста. Заново учился ходить. Учился спать по ночам без боли, выбирая правильную позу.

А недавно, во время очередной бессонной ночи я вспоминал о ночном госте, которому я открыл окно. Войдя, он сообщил мне о чем-то, но эти детали сна уже ускользали.

Тогда я поднялся, подошел к столу и записал эту историю.